

Николай Бердяев

ИСТИНА И ОТКРОВЕНИЕ

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б48

Бердяев, Н.

Б48 Истина и откровение / Н. Бердяев. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 170 с.

ISBN 978-5-521-78885-9

Имя Николая Александровича Бердяева (1874–1948) – выдающегося христианского и политического мыслителя, проповедника философии личности и свободы в духе религиозного экзистенциализма и персонализма – вписано в историю не только русской, но и мировой культуры.

Книга «Истина и откровение» – одно из важнейших произведений Бердяева, в котором философ размышляет о вопросах экзистенциализма, истины и настоящей духовности, уделяя особое внимание месту человека в истории, роли искупления и сути творчества.

УДК 1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС НР
BISAC JNF040000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I	9
ГЛАВА II	23
ГЛАВА III	49
ГЛАВА IV	75
ГЛАВА V	85
ГЛАВА VI	99
ГЛАВА VII	125
ГЛАВА VIII	141
ГЛАВА IX	155

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта представляет пересмотр основных проблем христианства в свете Духа и Истины. Я всю жизнь делал этот пересмотр, но хочу это сделать более систематически и углубленно, подвести итоги долгому процессу мысли. Можно ли в Духе и Истине судить о христианстве, основанном на авторитете старинной священной традиции? Это ставит вопрос об отношении истины и откровения, о возможности критики откровения. С точки зрения обычной терминологии тут философия претендует судить об откровении, она ставит себя как бы выше религии. В XIX веке либеральная протестантская мысль судила откровение с точки зрения научной истины. При таком понимании задачи она как будто бы не может быть оправдана. Но все не так просто, как представляется при обычном словоупотреблении. Нужно помнить, что сказано в Евангелии о наступлении времен, когда человек будет поклоняться Богу в Духе и Истине. Когда Кант писал «Критику чистого разума», то в ней разум судил разум, признавал свои границы. «Критика откровения» должна быть критикой в свете самого откровения, критикой духа, приобщенного к откровению, а не критикой разума, чуждого откровению. Судит человек, таково его непомерное притязание. Непомерным притязанием было уже то, что ограниченный человек дерзнул познавать бесконечную истину. Но необходимо помнить, что человек всегда был единственным органом, через который откровение доходило до человека. Говорили Мои-

сей и пророки, говорил Бого-человек Иисус Христос, говорили апостолы, святые, мистики, учителя Церкви, богословы и христианские философы. Других голосов мы не слыхали, и когда мы слыхали голос Божий в себе, то мы этот голос слыхали через себя, т. е. через человека. Откровение, слово Божье, всегда проходило через человека, и на нем отразилось состояние человека, на нем лежали ограничения человеческого сознания. Сознание же человека может быть расширенным и углубленным, как может быть суженным и выброшенным на поверхность. Человек не мог автоматически, совершенно пассивно воспринимать и усваивать себе то, что говорит Бог, он всегда был в этом активен, активен в хорошем или дурном смысле, всегда вкладывал свой антропоморфизм и социоморфизм. Человек судит не откровение, а свое человеческое восприятие и понимание откровения. Откровение предполагает существование божественного элемента в человеке, человеческую соизмеримость с божественным. Откровение всегда бого-человечно. Если человечно будет критика откровения, то человечно было и само откровение. Если проблему отношения истины и откровения рассматривать философски, то это может быть только философией, внутренне основанной на религиозном, духовном опыте, не рационалистической философией, а экзистенциальной философией, признающей первичность духовного опыта. Самоочищение откровения от социоморфизма, т. е. от перенесения на Бога и на отношение Бога к миру и человеку понятий, взятых из рабских социальных отношений людей [отношений го-

ИСТИНА И ОТКРОВЕНИЕ

сподина и раба], есть духовная работа, в которой принимают участие разнообразные силы, в том числе и библейская критика. Это есть подготовка снизу завершающегося откровения Духа, Св. Духа. Но то, что идет снизу, всегда связано с тем, что идет сверху. Встреча и соединение двух движений, снизу и сверху, есть самый таинственный факт человеческого существования. И не может быть философии человеческого существования без внутреннего приобщения к этому факту. Я считаю уместным вспомнить слова, которые можно прочесть у Гермеса Трисмегиста¹. Цитирую по французскому переводу, который у меня под рукой: «Ne vois donc dans tout cela, mon fils, que des manifestations menteuses d'une verite superieures; et puisqu'il en est ainsi, j'appelle le mensonge une expression de la verite»². И еще: «Je comprends, o Tat, je comprends ce qui ne peut s'exprimer. Voila Dieu»³. За тем, что нас отталкивает и даже возмущает, может быть скрыта высшая истина, к которой мы должны прорываться. Бог есть то, что не

¹ Гермес Трисмегист (трижды Величайший) — вымышленный автор теософского учения, изложенного в так называемых герметических книгах и отрывках египетско-греческого происхождения сер. III в. Имя его связано с греческим богом Гермесом (соответствовавшим египетскому богу Тоту, Тауту или Теуту), путеводителем душ и покровителем тайных знаний. Бердяев цитирует одну из герметических книг («Десять отрывков из разговоров Гермеса Трисмегиста с сыном его Татом»).

² «Итак, сын мой, ты видишь лишь обманчивое проявление высшей истины; а если так, я называю ложь истолкованием правды» (*франц.*).

³ «Я понимаю, о Тат, я понимаю того, кто не может изъясняться, вот Бог» (*франц.*).

Николай БЕРДЯЕВ

может быть выражено. Это и есть откровение Духа. И в том, что не может быть выражено, не может быть никаких сомнений, сомнения могут быть лишь в выраженном.

Париж-Клармар. 1946-1947 гг.

ГЛАВА I

Экзистенциальная философия и духовный опыт. Трансцендентальный человек

Хотя все классификации сфер знания мне представляются относительными, но все же книгу свою должен решительно отнести к сфере философии, а не теологии. К сожалению, экзистенциальная философия стала модной, особенно благодаря Сартру. Модным стал и мало-доступный, трудный Гейдеггер, которого мало кто читал. Серьезная философия не должна была бы становиться достоянием моды, это ей не к лицу. И тем не менее течения экзистенциальной философии обнаруживают кризис традиционной философии и вступление на новый путь. Обнаруживается разрыв с греческим интеллектуализмом, унаследованным схоластикой, с рационализмом Декарта, с германским идеализмом. Экзистенциализм можно разное определять, но самым важным представляется мне определение, что это есть философия, которая не хочет объективирующего познания. Существование не может быть объектом познания. Объективация означает отчуждение, обезличивание, утерю свободы, подчинение общему, познание через понятие. Вся почти история философской мысли стояла под знаком объективации, хотя это выражалось в разных типах философии. Эмпиризм также стоял под знаком объективации, как и самая крайняя форма рационализма. Эту объективацию можно открыть и в бо-

лее новых формах прагматизма и философии жизни¹, всегда имеющей биологический привкус. И поскольку Гейдеггер и Сартр хотят строить онтологию, пользуясь рациональным аппаратом понятий, они находятся во власти объективирующего познания и не порывают с традицией, идущей от Парменида². Бытие есть уже порождение объективирующей мысли, оно объективно. Кирхегардт признавал экзистенциальным лишь познание в субъективности, а не в объективности, в индивидуальном, а не в общем. В этом он был инициатором. Наиболее верным ему остается Ясперс. Кирхегардт повернул к субъективности и хотел выразить свой неповторимый индивидуальный опыт. В этом его значение. Но он не стал вполне по ту сторону различения субъекта и объекта, он сохранил это различие, став на сторону субъекта. Другое определение экзистенциальной философии заключается в том, что это философия экспрессионистская, т. е. она хочет выразить экзистенциальность познающего, а не отвлечения от этой экзистенциальности, как хочет философия объективирующая. В этом смысле у всех великих философов (можно открыть элементы экзистенциализма за процессом объективации). Существование (Existenz) не есть эссенция,

¹ Философия жизни — философское течение кон. XIX—нач. XX вв., выдвигавшее в качестве исходного понятия «жизнь» как некую интуитивно постигаемую целостную реальность, не тождественную ни духу, ни материи.

² Традиция, идущая от Парменида, или линия Парменида (см. с. 299 наст. изд.) — от Парменида идет представление, что истинное знание дает только разум, чувственное же познание недостоверно и противоречиво.